

Социология о пытках в современной России¹

В России проблема применения пыток имеет чрезвычайную и печальную значимость. Масштабы и безнаказанность пыток и жестокого обращения со стороны органов «правопорядка» серьезно угрожают жизни и здоровью, правам и свободам жителей страны, всей системе правосудия, основам гражданского общества и государственности. Особую актуальность эта проблема приобрела с наведением так называемого «конституционного порядка» на Северном Кавказе, а затем - «борьбы с терроризмом». Масштабные акции проверок паспортного режима, применение вооруженных формирований в экономических спорах, нагнетание средствами массовой информации (СМИ) атмосферы насилия и жестокости под лозунгом войны с криминалом формируют опасное представление о верховенстве силы, а не закона.

Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе и специальной литературе («слоник» - применение противогаса с прерыванием дыхания, «ласточка» - растяжка на веревках, «распятие Христа» - название говорит за себя, «конвертик» - пытаемого складывают как конверт для отправки, и др.). *Пытки стали повседневной практикой*, заставившей «Общую газету» в конце 90-х годов открыть постоянную рубрику «Пытки как будни России», а «Новую газету» рубрику «Общественный вердикт», посвященную той же теме. *Никто не застрахован от возможности стать жертвой нашей милиции*. Известны случаи применения пыток к аспирантам МГУ, офицерам российской армии, да и к самим сотрудникам милиции... Избивается население городов (Благовещенск и др.). Огромный эмпирический материал о применении

¹ «Неволя», 2006, №10. С.19-28.

пытках в современной России представлен в многочисленных литературных источниках².

В течение последних лет органами власти России никаких реальных мер для пресечения пыток не было принято. Об этом свидетельствуют самые последние сообщения российских и международных правозащитных организаций. Не были устранены *причины*, обуславливающие пыточную вакханалию.

С нашей точки зрения, а также по мнению многих опрошенных нами экспертов, широкое применение пыток вызвано, *во-первых*, утратой профессионализма работников дознания и следствия (в силу разных причин – низкая оплата труда, уход профессионалов в бизнес и частные охранные структуры, растущая коррупция, приводящая к изгнанию «белых ворон» – сотрудников, не берущих взятки, и др.), когда вместо тщательного поиска и исследования объективных доказательств совершенного преступления обращаются к самому «простому»: вымогательству «признательных» показаний подозреваемого и обвиняемого путем угроз, обмана и – пыток.

Во-вторых, «раскрытие» преступлений путем применения пыток подстегивается требованиями руководства – «быстрее, быстрее» и таким показателем оценки работы милиции, как «раскрываемость преступлений».

² Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Закон и его жертвы. Татарстан. Казань, 2004; «Индекс: Досье на цензуру», №№7-8 (Страна и ее заключенные), №18 (Евроремонт ГУЛАГа); Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; «Неволя» (Ежеквартальный журнал выходит с 2004 г.); Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи. М.: Московская Хельсинская группа, 2003; Пытки в России: Хроника 1988-1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень, 1998, вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Пытки. Преступления без наказания. Н. Новгород: Комитет против пыток, 2004; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004-2005 г. М., 2005; Российский вестник «Международной амнистии».

В-третьих, безнаказанность недозволенных приемов расследования, включая пытки. На практике привлечение к ответственности виновного в применении пыток сотрудника правоохранительных органов является редчайшим исключением. Безнаказанность пыток обусловлена, все теми же требованиями поднять «раскрываемость», раскрыть преступления, находящиеся «на контроле» руководителей органов МВД, регионов, государства, явным нежеланием руководства служб МВД и органов прокуратуры осуществлять эффективный надзор за соблюдением органами милиции законности в процессе дознания, предварительного следствия, при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, а также полным пренебрежением к таким фактам со стороны судебных органов.

В-четвертых, нравственная деградация многих сотрудников правоохранительных органов, относящихся безразлично или даже с «удовольствием» (садизм) к пыткам людей. Нередко «совестливые» (например, следователи прокуратуры) спокойно передоверяют «черную работу» - пытки сотрудникам милиции.

Отдельная тема – пытки в пенитенциарных учреждениях. Сами условия нахождения в СИЗО, а то и в исправительных колониях (ИК), носят пыточный характер (о чем прямо говорил начальник ГУИН МВД РФ, а затем и ГУИН МЮ генерал Ю.И. Калинин: «Условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства»). В пенитенциарных учреждениях имеют место пытки как для получения «признательных показаний» от подследственных в СИЗО, так и в целях наказания «злостных нарушителей режима» в ИК. Незаконным физическим воздействием в отношении задержанных грешат сотрудники различных служб милиции. Не представляет исключения персонал пенитенциарных учреждений. В СИЗО имеются так называемые «пресс-хаты» - камеры, в которые помещают подследственных, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют

другие заключенные, разумеется, за определенные льготы³. Печальную известность приобрели «Белые Лебеди» - пыточные колонии, куда направлялись «злостные нарушители режима» из других ИК. Факты пыток многократно зафиксированы в прорвавшихся на волю жалобах заключенных, представителями отечественных и международных правозащитных организаций.

Надо ли напоминать, что применение пыток противоречит ст. 5 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека, ст. 21 Конституции Российской Федерации и само признается уголовным преступлением (ст. 302 УК РФ)?

Россия, как участница различных международных организаций, неоднократно получала от мирового сообщества рекомендации, связанные с устранением причин пыток. Так, в 1994 году решением Будапештской конференции ОБСЕ Россия, в числе прочих участников, приняла обязательства «вести дело к искоренению пыток, расследовать все заявления о случаях применения пыток и преследовать виновных в судебном порядке, включать в свои программы обучения и подготовки личного состава сил по поддержанию правопорядка и полиции конкретные положения, имеющие целью искоренения пыток» (п. 20 Решения).

С 13 по 16 мая 2004 г. Комитетом против пыток рассматривался 3-й периодический Доклад России по соблюдению Конвенции против пыток. Правозащитными организациями России был подготовлен Альтернативный

³ См., например, о пыточной камере №721 Петербургского СИЗО в: Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик, 1998, 4 марта.

доклад. В его составлении принимали участия эксперты Комитета против пыток и Московской Хельсинской группы.

По итогам рассмотрения Доклада Комитет признал факты «многочисленных и постоянных заявлений о распространении пыток совершаемых сотрудниками правоохранительных органов»; «устойчивой системы безнаказанности пыток и иного жестокого обращения, чрезвычайно низкое количество лиц, осужденных за нарушение Конвенции»; «Фактический отказ судей принимать во внимание представленные обвиняемым доказательства применения пыток и жестокого обращения, выливающийся в общую практику отсутствия расследования и преследования подобных случаев». Комитет также выразил озабоченность условиями содержания заключенных, проблемой дедовщины в армии и особо ситуацией в Чечне. Только что - 13 ноября 2006 г. – международная правозащитная организация Human Rights Watch представила в Женеве доклад о пытках в Чечне, как со стороны федеральных сил (в частности, сотрудники Второго оперативного расследовательного бюро МВД РФ), так и кадыровскими формированиями⁴.

Решением Европейского Суда по правам человека с Российской Федерации взыскано 250000 евро в пользу Михеева, искалеченного в результате пыток. Михеева – сотрудника милиции! – пытали, добиваясь «чистосердечного признания» в убийстве девушки, которая впоследствии оказалась жива и невредима... Сотни подобных дел ожидают рассмотрения Европейским Судом по правам человека, по нескольким делам вынесено решение против России (в частности, по делам «Имакаев против России», «Лулуев и другие против России»).

⁴ Подробнее см.: Новая газета, 13-15 ноября 2006 г. С.5.

Было констатировано широкомасштабное применение пыток и насилия, происходящих в стране, что усугубляется отсутствием какой бы то ни было системы контроля и защиты от пыток. Это отражает состояние государственной политики не признавать проблему пыток и, на основании этого – отказываться принимать меры, направленные на ее изменение. Так, несмотря на очевидность многочисленного применения пыток в России, количество зарегистрированных *фактов* принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и *лиц*, выявленных в совершении этого преступления смехотворно мало: 2001 г. – соответственно 19 и 3; 2002 г. - 18 и 4; 2003 г. – 2 и 0 (!); 2004 г. – 4 и 0 (!)⁵. Неудивительно, что по данным московских исследователей, коэффициент латентности (неучтенности) принуждения к даче показаний в 2002 г. составил 70,73⁶.

Однако ставшие достоянием правозащитных организаций и СМИ факты применения пыток не дают еще представлений о *масштабах* этого явления в стране. Поэтому в 2005 г. было проведено соответствующее социологическое исследование по инициативе НРОО «Комитет против пыток» (Нижний Новгород) и при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

Целью проекта являлось выявление **масштабов распространенности** пыток в России и ее регионах путем комплексного изучения ситуации по практике применения пыток.

При этом под *пыткой* в полном соответствии со ст.1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство

⁵ Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С.318.

⁶ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001-2002 гг. (статистический сборник). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 2004. С.10.

видов обращения и наказания (10.12.1984 г.), понималось «любое действие, которым какому либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать его или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Под понятие «пытка» не подпадают действия, связанные с *законным* применением силовых санкций.

В пяти регионах страны (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, республика Коми, Чита) проводился массовый репрезентативный квартирный опрос *взрослого населения* (с 16 лет) по специально разработанной анкете. Анкета состоит из двух блоков: «А» - для всех опрашиваемых и «В» - для тех из опрошенных, которые подвергались физическому или психическому насилию со стороны сотрудников милиции. Всего было опрошено: в Санкт-Петербурге – 2005 человек, в Пскове – 600 человек, в Нижнем Новгороде – 1000 человек, в Коми – 1101 человек, в Чите – 859 человек.

Исследования в этих регионах проводились профессиональными группами социологов (в Санкт-Петербурге - Центром девиантологии Социологического института РАН).

В трех регионах были проведены интервью с «экспертами», к числу которых относились: в Санкт-Петербурге – 2 адвоката, 3 сотрудника милиции, 2 правозащитника, по одному – сотрудник прокуратуры, судебный медик, лицо с криминальным опытом; в Нижнем Новгороде – 4 адвоката, 4

сотрудника милиции, 2 сотрудника прокуратуры; в Чите – 7 сотрудников прокуратуры, 3 адвоката, 3 медика, по одному – правозащитник, судья.

В Коми и Чите были осуществлены опросы *заклоченных* по анкете, учитывающей насилие над подозреваемыми, совершаемые *до* их осуждения и направления для отбытия наказания. Это условие освобождало осужденных от необходимости отвечать на вопросы, связанные с пребыванием в пенитенциарных учреждениях.

Кроме того, в Санкт-Петербурге был проведен *уличный опрос*, всего опрошено 540 человек.

Каковы же краткие результаты проведенных исследований?

Жертвы пыток

Из числа опрошенных жителей подвергались пыткам со стороны сотрудников милиции (незаконное или неоправданно жестокое насилие) в течение 2004 г.: в Санкт-Петербурге – 68 чел., или **3,4%** опрошенных; в Пскове – 28 чел., или **4,7%** опрошенных, в Нижнем Новгороде – 34 чел., или **3,4%** опрошенных, в Коми – 51 чел., или **4,6%** опрошенных, Чита – 39 чел., или **4,5%** опрошенных. Средний показатель по всем регионам – **4,1%** респондентов подвергались в течение *одного только года* (2004) пыткам (незаконному физическому или психическому насилию).

Совершенно очевидно, что кумулятивный (накопительный за ряд лет) процесс даст значительно больший удельный вес жертв пыток среди населения. Это логичное предположение подтверждается результатом уличного опроса в Санкт-Петербурге. На вопрос «Можете ли Вы припомнить *за всю жизнь* случаи применения сотрудниками милиции в отношении Вас насилия, которое Вы определили бы как незаконное?» положительно ответили **21,3%**. При этом только за **2005 г.** такому насилию со стороны работников милиции подвергалось, со слов респондентов, **5,9%**.

Кроме того, по мнению респондентов, в целях воздействия на них - получения признаний и иных сведений, запугивания - применялись пытки в 2004 г. к *третьим лицам (родственникам, друзьям, коллегам)*: в Санкт-Петербурге – **1,5%**, в Пскове - **1,2%**, в Чите – **3,3%**, в Нижнем Новгороде – **0,2%**, в Коми – **1,0%**.

Респондентам было известно, что в 2004 г. применялись пытки к кому-либо из ближайшего их окружения (родственники, друзья, коллеги) без цели воздействия на респондента: Санкт-Петербург – **9,3%**, Псков – **7,9%**, Чита – **17,7%**, Нижний Новгород – **12,3%**, Коми – **14,9%**.

Отношение населения к пыткам

Практически по всем вопросам, характеризующим пытки в стране, во всех регионах большинство респондентов согласилось с их значительной распространенностью.

Так, с утверждением *«Невиновных не пытают»* не согласны: в Санкт-Петербурге – **51,9%** респондентов, в Пскове – **47,7%**, в Нижнем Новгороде – **58,9%**, в Чите – **64,5%**, в Коми – **68,6%**.

За *необходимость специальных мер против пыток в милиции* выступают 80,7% петербуржцев, 68,3% псковитян, 73,4% нижегородцев, 85,1% жителей Коми, 77,5% читинцев.

«Вполне вероятно», что респонденту, его друзьям и близким *потребуется реальная защита от пыток* считают **47,6%** опрошенных жителей Петербурга, **46,5%** жителей Пскова, **53,0%** жителей Нижнего Новгорода, **62,6%** жителей Коми, **57,1%** читинцев.

Проблема пыток *не получает должного освещения* в СМИ по мнению 45,4% петербуржцев, 38,2% псковичей, 50,3% нижегородцев, 39,3% жителей Коми, 41,1% читинцев.

Считают, что *пытки применяются* в России: в Санкт-Петербурге - **64,3%** (в т.ч., применяются систематически – 27,9%), в Пскове – **56,0%** (в т.ч., применяются систематически – 26,5%), в Нижнем Новгороде – **64,4%** (в т.ч., систематически – 35,4%), в Коми – **72,7%** (в т.ч., систематически – 30,9%), в Чите – **54,6%** (в т.ч., систематически – 20,8%).

В Петербурге и Пскове наибольший удельный вес респондентов, верящих в то, что в России невиновных не пытаются. В других трех регионах таких наивных людей намного меньше.

Лица, отбывающие наказание

В отношении заключенных, отбывающих наказание в Коми, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, применялось *незаконное или неоправданно жестокое* физическое насилие или угроза физического насилия в отношении **39,0%** (в т.ч. многократно — в отношении 10,1%) респондентов. В отношении заключенных, отбывающих наказание в читинском регионе, сотрудниками милиции того региона, где проводилось расследование уголовного дела, применялось *незаконное или неоправданно жестокое* физическое насилие или угроза физического насилия в отношении **61,3%** (в т.ч. многократно - в отношении 21,3%) респондентов.

Как видим, доля подвергающихся пыткам среди заключенных значительно выше, чем среди населения. Именно те, кто привлекается к уголовной ответственности, в большей степени являются «группой риска» стать жертвами физического насилия со стороны сотрудников милиции. Особенно явно это проявляется в *мотивах* такого воздействия. Так, 40,0% опрошенных заключенных в Коми и 56,7% - в Чите сообщили, что они подвергались незаконным физическим воздействиям в целях принуждения к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц (либо в пользу

других лиц) или к отказу от дачи показаний. И эта мотивация существенно выше среди всех иных мотивов применения пыток.

*Некоторые характеристики применяемых пыток, мотивов
и субъектов применения*

В большинстве регионов применяется большинство перечисленных в анкете *методов* физического насилия. Как и следовало ожидать, чаще всего встречаются избиение, содержание в холодных помещениях и антисанитарных условиях, а также принудительные позы, включая подвешивание, бросание, растягивание, выкручивание рук и т.п. Значительно реже – применение электротока, погружение в воду (кроме Коми, где было, со слов респондентов, 20 таких случаев), прижигание и иные пытки с использованием кипятка и горячих (раскаленных) предметов. Кроме того, респонденты упоминали угрозы оружием, тюрьмой, физическим и сексуальным насилием.

Аналогичные тенденции прослеживаются в ответах заключенных.

Среди *мотивов* применения пыток преобладают издевательство, кураж, вымогательство (вещей и/или денег), а также принуждение к явке с повинной, к даче показаний против себя и других лиц. «Экзотикой» являются месть и пытки за участие в акциях протеста, гражданского сопротивления, и за жалобы на произвол.

В большинстве регионов наиболее причастными к незаконному применению насилия относятся *сотрудники* патрульно-постовой службы и следственных отделов милиции. Относительно мало причастны к применению пыток сотрудники ФСБ, прокуратуры (кроме Коми), судебные приставы (кроме Коми).

В качестве примера несколько подробнее расскажем об уличном опросе в Санкт-Петербурге. Как уже отмечалось, из 540 опрошенных на улице

петербуржцев **21,3%** когда-либо в течение жизни подвергались незаконному насилию со стороны сотрудников милиции, а **5,9%** подвергались таковому в 2005 г.

В числе опрошенных было 48,3% мужчин, 51,7% женщин (что соответствует гендерному составу жителей города), с неполным средним образованием – 8,3%, со средним (общим и специальным) – 41,1%, с незаконченным высшим – 15%, с высшим – 35,6%. Возраст опрошенных: 18-30 лет – 26,1%, 31-49 лет – 31,5%, 50-64 года – 26,5%, 65 лет и старше – 15,9%. Отнесли себя к: учащимся – 10,6%, пенсионерам – 20,2%, домохозяйкам – 3,5%, безработным – 3,9%, военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов – 3,1%, рабочим, техникам, служащим средней квалификации – 27,6%, гуманитарной интеллигенции – 13,1%, технической интеллигенции – 7,4%, государственным чиновникам – 1,5%, предпринимателям, менеджерам, фермерам – 8,0% (иных - 1,1%).

По внешнему виду респондентов (оценка интервьюеров) среди них были 3,5% с чертами кавказской, среднеазиатской, арабской внешности, 2,0% с монголоидной (китайской, корейской) внешностью, 8,0% с чертами социальной неустроенности, алкоголизма, 4,4% с признаками принадлежности к молодежной субкультуре.

На вопрос «Вы больше опасаетесь преступников или милиции?» 11,9% ответили – милиции, 40,9% - преступников, 36,7% - в равной степени.

Чувствуют себя абсолютно (34,8%) и скорее (33,9%) *незащищенными от физического насилия над собой* – 68,7% опрошенных горожан. Чувствуют себя скорее защищенными – 11,7% и полностью защищенными – всего 4,1%.

Следует заметить, что в Петербурге и ранее (по другим поводам) задавались вопросы о защищенности горожан. Так, весной 2000 г., по данным Л. Кесельмана и М. Мацкевич (Социологический институт РАН),

46% респондентов уверенно ответили «нет» на этот вопрос и 25,5% сомневались в своей защищенности. Защищенными чувствовали себя 16,5%. Весной 2002 г., по данным тех же исследователей, защищенными чувствовали себя всего 14,5%, а не защищенными – 67%, в т.ч. абсолютно незащищенными – 40% и скорее незащищенными – 27%.

Анализ корреляционных зависимостей показал, в частности, что в Петербурге наибольший риск подвергнуться насилию со стороны сотрудников милиции в 2005 г. был у мужчин (в 2,9 раза выше, чем у женщин), у представителей возрастных групп до 30 лет и 31-49 лет (минимальный – у тех, кому 65 лет и старше), с незаконченным высшим и с высшим образованием (!). В профессиональном отношении группами повышенного риска оказались учащиеся, безработные, представители гуманитарной интеллигенции, чиновники и предприниматели, наименьший риск – у пенсионеров, домохозяек, незначительный риск у представителей технической интеллигенции.

В заключение следует отметить, что результаты опроса *всех* категорий респондентов – населения, заключенных, экспертов во *всех* обследованных регионах свидетельствуют в целом (при некоторых региональных различиях) об *аналогичных тенденциях практики применения пыток* по *всем* значимым параметрам: *частота* применения (с очевидным преобладанием среди заключенных), *методы* физического насилия, *мотивы* применения пыток, причиненный жертвам *ущерб*. Этот вывод тем более значим и убедителен, что опросы в каждом из регионов осуществлялись по *единой* методике, но *различными* профессиональными исследовательскими коллективами, что исключает возможность предвзятости и умышленного искажения результатов.

Общий вывод: *совокупность результатов репрезентативного опроса населения пяти регионов, опроса заключенных в двух регионах, опроса*

экспертов в трех регионах о применении пыток к самим респондентам и к их близким (как в целях воздействия на респондента, так и без этой цели, по другим «основаниям») свидетельствует о значительной распространенности пыток со стороны сотрудников российских «правоохранительных» органов.